

ХЬЮ ЛОРИ: МИЗАНТРОП

Прошлой ночью он опять не спал. Болело сердце, ныла спина, и правая рука подозрительно дрожала. Кошмар. Он совсем плох. Он разваливается, словно тряпичная кукла. Наверное, это старость. А может, хуже... к нему подкрадывается смерть?

Каждое утро ему никого не хочется видеть, совсем никого. За четыре года работы в «Докторе Хаусе» Хью Лори опротивело все. В интервью он бодро рассказывает о том, как весело ему работать на съемках этого бьющего все рейтинги популярности сериала: захватывающий сюжет, великолепные диалоги, профессиональная команда. Не верьте. Он ненавидит этот сериал. Он отнял у него все, и главное — время на депрессию.

Хью ненавидит сериал «Доктор Хаус». Он отнял у него все, и главное — время на депрессию

Хью некогда ныть и сетовать на судьбу. Пятнадцать часов в сутки он торчит в съемочном павильоне, разыгрывая по сорок сцен в неделю. Да и как-то неудобно жаловаться: он зарабатывает на хромом докторе-мизантропе отличные деньги: четыреста тысяч за эпизод. Он играючи обошел и Чарли Шина, и Зака Браффа — у парней-то ставка всего по триста пятьдесят. Хью Лори вдруг оказался в списке самых влиятельных знаменитостей журнала «Forbes». А в последнем опросе телевизионных симпатий американских граждан он, зануда-англичанин, на втором месте. Впереди только комик Джей Лено. Но все эти атрибуты славы не помогают ему спокойно спать. Не будешь же класть под подушку зеленые купюры... И он в самом деле просто физически не может никого видеть. Вот мимо пролетела Дорис Иган, славная рыжая тетка и совершенно чокнутая сценаристка. Видимо, только что пятеро медицинских светил разнесли в пух и прах очередную серию «Доктора Хауса», сочиненную дамочкой в состоянии легкого помешательства. Нет, Дорис, обняться и поплакать — это не для него. Хью способен разговаривать сейчас только с одним человеком — стариной Стивеном Фраем. Великолепным, великодушным и, пожалуй, еще более чокнутым, чем все остальные. К счастью,

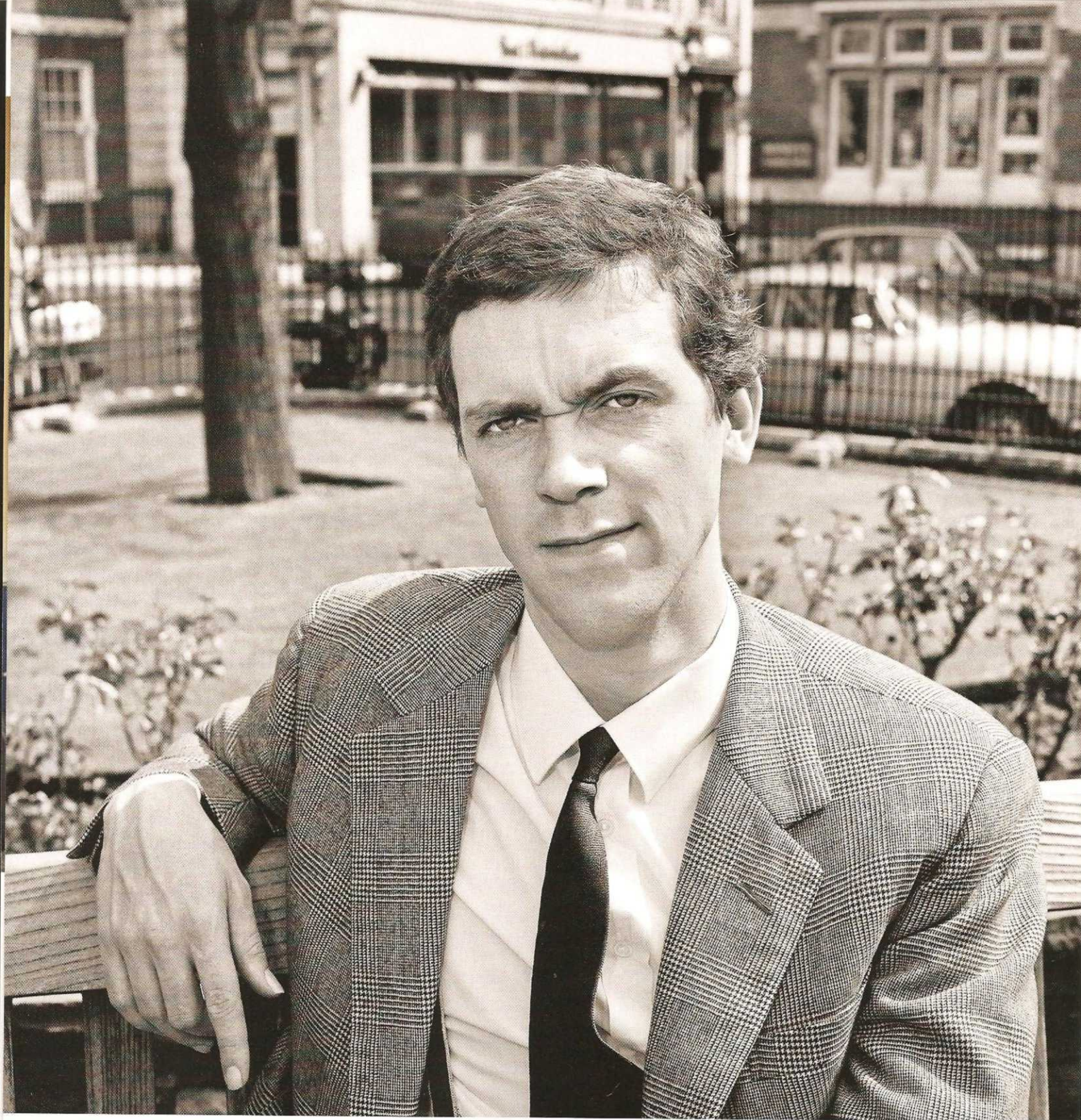
Лори пятнадцать часов в сутки торчит в съемочном павильоне, зарабатывая на докторе-мизантропе отличные деньги

они теперь работают рядом, в соседних павильонах. В Лос-Анджелес Фрая выписали из Англии на съемки пяти эпизодов сериала «Кости». В обеденный перерыв старые друзья — толстый Фрай с лицом добродушного ребенка и Лори, тощий, плохо выбритый невротик, — встречаются, чтобы взбодриться чашечкой кофе.

— Ты пьешь без кофеина? — в сто пятый раз интересуется Фрай.

Рассеянность — его вторая натура. К тому же Хью уже давно заметил, что в Штатах с людьми случаются странные

STARSTOCK/PHOTOSHOT/PHOTOS

Домашним Хью казался досадным недоразумением в прекрасном шотландском роде Лори

вещи. Они все сходят с ума на почве правильного питания. Мечта о хорошем стейке для здешней публики — просто преступление века. Даже школьницы всерьез полагают, что калории — это такие агрессоры, которых надо бояться почище террористов. Хью едва не хватил удар, когда он впервые увидел, что ест его партнерша по сериалу Лиза Эдельстин: мате, соевый йогурт и тофу с поджаренными зернами кунжута. Причем мате — на завтрак, тофу — на обед, а кунжут — на ужин. В перерывах Лиза пьет воду с кальцием из трав. И, судя по всему, страшно гордится этим. Виданное ли дело? Даже будь Хью свободен, он ни за что

Хью ни за что не полюбил бы женщину которая сидит на одной водичке. Хороший аппетит выдает широту и страстность натуры

В Кембридже Лори познакомился с начинающим писателем и актером Стивеном Фраем. Никто не умел так пародировать обывателей, как тощий выюн Хью и упитанный флегматик Фрай

не полюбил бы женщину, которая сидит на одной водичке. Это несексуально. Хороший аппетит выдает широту и страстность натуры. Все его подруги обожали покушать, а тоненькая тростинка Эмма Томпсон в порыве страсти запросто могла умять целого цыпленка, не говоря уже о паре-тройке больших порций картошки из «Макдоналдса».

— Знаешь, — вдруг задумчиво сказал Стивен, — а ведь я похудел. На целых тридцать килограммов за четыре месяца. Может быть, написать об этом книгу?

О нет! Хью с невыразимым страданием молча смотрит на друга. Отставляет в сторону чашку, трет переносицу указательным пальцем. Кажется, Америка украла у блестящего интеллектуала Стивена Фрая мозг. Отныне он, уникальное явление британского юмора, поглощен вопросами диеты и правильного распределения нагрузки при ходьбе. Что ж, старина, это ужасно. Нестерпимо. А значит, Хью все же придется позвонить Джо.

А может, все-таки не звонить? Как-то попытаться самостоятельно взять себя в руки? Сейчас он напоминает беспомощного психа, забившегося в нору. Но ведь он — совсем

Хью, причалив к берегу, как был — в ветровке и бейсболке — помчался в аэропорт и первым же рейсом улетел к жене в Лондон

другой: мужественный, ответственный, зрелый. Попробуй внушить это себе, Хью. Хотя в прошлый раз подобная душераздирающая терапия с самовнушением закончилась чудовищным срывом. Тогда он катался на лодке в гавани Марина-дель-Рей и вдруг осознал, что не может больше так жить. В его мозгу словно поместили огромный бур. Он думает об этом проклятом докторе и его хромой ноге постоянно. Прокручивает в голове реплики, интонации, темп его

речи. И абсолютно уверен, что впереди Хью Лори ждет провал. Они все погорят с этим чертовым Хаусом. Опозорятся, как последние лохи. Эти мысли так расперли череп, что Хью, причалив к берегу, как был, в ветровке и бейсболке, помчался в аэропорт и первым же рейсом улетел в Лондон к жене. Джо — его палочка-выручалочка. И ему не стыдно об этом говорить, ничуть. Она с самого начала выступала против этой авантюры. Джо сразу сказала, что даже если он получит эту роль, они с детьми ни за что не переедут к нему в Лос-Анджелес. Во-первых, дети учатся, во-вторых, у них есть свои собственные интересы. Чарльз погибнет без крикета и регби, Билли сойдет с ума без своей рок-группы, а у Ребекки наконец-то появился первый бойфренд. И что, они все это променяют на какой-то пошлый город, где температура даже ночью не опускается ниже двадцати градусов по Цельсию, а дорожные аварии случаются на каждом шагу? Хью согласился. Доводы жены всегда логичны и безупречны. Но роль Грегори Хауса, мрачного гения диагностики, ворчуна, тирана и наркомана, так ему приглянулась, что он просто уже не мог сказать «нет». И актер полетел в Штаты один.

...Продюсер Брайан Сингер ел салат. В Америке они все помешаны на салатах. Но тогда Хью еще не знал об этом, а поэтому очень вежливо сидел на стуле и ждал, пока тот прожует. Справедливости ради следует отметить, что ел он с аппетитом. Может, неряшливо, но убедительно и вкусно.

но. Сингер вытер губы салфеткой и сказал, что им очень понравилась присланная Лори видеокассета с пробой. Правда, немного странное освещение и что-то сильно бликовало сзади.

— А, это зеркало, — махнул рукой Хью. — Я снимался в гостиничном туалете. В смысле, не подумайте плохого, в туалете своего номера. В Намибии это единственное место, где нет песка.

Сингер с минуту помолчал, ковыряя во рту зубочисткой. Он, конечно, знал, что английские актеры с большим приветом, но мистер Лори... особенный оригинал. Впрочем, в этом лупоглазом типе, до боли напоминающем подростка-переростка, есть нечто такое, чего нет ни у Денниса Лири, ни у Роба Морроу. Исполнительный продюсер Кейти Джейкобс называет это чувством юмора. Кейти видела парня в каких-то комедийных шоу и клянется, что он гений. В общем, надо попробовать. И вот уже мистер Лори устраивается в номере гостиницы «Ванкувер», и ему выдают распечатку сцен и расписание съемочных дней.

Да, они весело поработали тогда. За исключением момента, когда Хью случайно вышел в стеклянную дверь, забыв ее предварительно открыть. Еще он постоянно думал, что у Лизы Эдельстин роман с Робертом Шоном Леонардом, и пару раз даже неловко пошутил на эту тему. Потом извинялся: американские женщины не понима-

Хью Лори с Эммой Томпсон в фильме «Друзья Питера», 1992 г.

SPLASH NEWS/EAST NEWS

С Джо Грин Хью расписался, когда их малышу исполнилось шесть месяцев. Все это время он собирался с духом

что он так знаменит. Ведь он вырос в мире, где скромность считалась высшей добродетелью. Помимо веры в Бога, разумеется. Свою золотую олимпийскую медаль по гребле отец хранил в ящике для носков и никогда, ни при каких обстоятельствах не позволял себе ею похвастаться. О том, что Роналд Лори — олимпийский чемпион, Хью узнал совершенно случайно. Однажды они поехали порыбачить на озеро. Всю дорогу двенадцатилетний худой и голенастый Хью приставал к маме с разными вопросами:

— А мы не утонем? А папа хотя бы умеет грести?

Патриша, суровая дама в цветастом платье и белой панамке, внушительно молчала. Хью был младшим, четвертым ее ребенком и, видит бог, самым несносным. Пат вообще по природе своей не питала склонности к сантиментам. Объятия, поцелуи, нежные слова — в их доме подобное поведение не принято. Правильное воспитание, по убеждению Патриши Лори, включало в себя жесткую постель, неистовую молитву и армейскую дисциплину. Остальное — ненужные, отвлекающие от сути мелочи. Именно поэтому она не считала возможным замечать волнение Хью.

Волнение сменилось восторгом, когда неизменно покладистый, молчаливый доктор Роналд Лори, закатав рукава куртки, схватился за весла и в считанные минуты доставил лодку с женой и сыном на середину пруда... У младшего Лори захватывало дух. Оказывается, у его тихони отца, без-

Патриша, сдвинув брови, молчала. Будущее младшего сына не казалось ей многообещающим. Ее Хью — нытик и размазня

ют подобных шуток, особенно когда знакомы с предполагаемым объектом своей любви всего три дня. Но куда большей оплошностью Хью была эта прекрасная уверенность идиота, что съемки продлятся дней десять, и все, — финита ля комедия! — разъезжаем по домам. Как бы не так... После пилотной серии они сняли десять, потом еще четыре Первый сезон, второй, третий... Разве Хью мог знать, что, соглашаясь на съемки, он подписывает себе смертный приговор? Отнюдь. Он думал, что его ждет всего лишь небольшое приключение. Но приключение обернулось катастрофой, растянутой во времени на четыре года. И самое ужасное последствие этой катастрофы — дикий, чудовищный, невероятный успех, с которым Хью абсолютно не умеет жить. Раньше его спасением были жалобы и тихое нытье, но теперь у него просто нет повода ныть. А как хочется...

Вся проблема в том, что отныне Хью Лори постоянно чувствует себя виноватым. Ему мучительно стыдно за то,

ропотно вскрывающего гнойные нарывы у фермеров, вон какие таланты!.. Хью тут же объявил, что, когда вырастет, станет гребцом.

Патриша, сдвинув тонкие брови, молчала, словно египетский сфинкс. Будущее младшего сына не казалось ей многообещающим. Вот старший, Чарльз, в ее глазах имел все шансы на успех — он рос отважным и сильным ребенком, девочки тоже могли постоять за себя, а Хью... Нытик и размазня. Досадное недоразумение, случившееся в их прекрасном шотландском роде. Ошибка в генетическом коде. Насмешка судьбы...

Впрочем, некоторые безумцы все-таки пророчили Хью прекрасное будущее. Эмма Томпсон ставила десять из десяти, что из этого тощего, верткого и длиннорукого парня выйдет настоящая звезда. Она впервые увидела его в Кембридже на репетиции театра «Footlights». Хью читал отрывок из «Аладдина». Эмма подумала, что он похож на Харрисона Форда. Рубашка цвета хаки, шорты и загар,

Известие о том, что его назвали самым сексуальным доктором в истории телевидения, вызвало у Хью панику. Зачем они это сделали? Кто их просил? Теперь за ним по пятам будут бегать силиконовые блондинки!

который так здорово оттенял голубые глаза шотландского Аладдина...

Позже, к некоторому разочарованию Эммы, выяснилось, что свой дивный загар Хью получил не на экзотическом востоке, а на местном водном канале. Занятия греблей его привлекают куда сильнее, чем лекции по антропологии в Кембриджском университете. А в театр он пошел потому, что хотел нравиться девушкам. Ведь они, кажется, обожают актеров... Это трогательное признание сразило Эмму. Она полюбила странного юного Лори так, как способна полюбить только сильная творческая натура. Она носилась с ним, как туземец со своим золотым божком. Благодаря Эмме и ее бьющей через край энергии Хью расправил плечи и обзавелся своей первой группой поддержки, состоявшей по большей части из прыщавых первокурсниц гуманитарных факультетов.

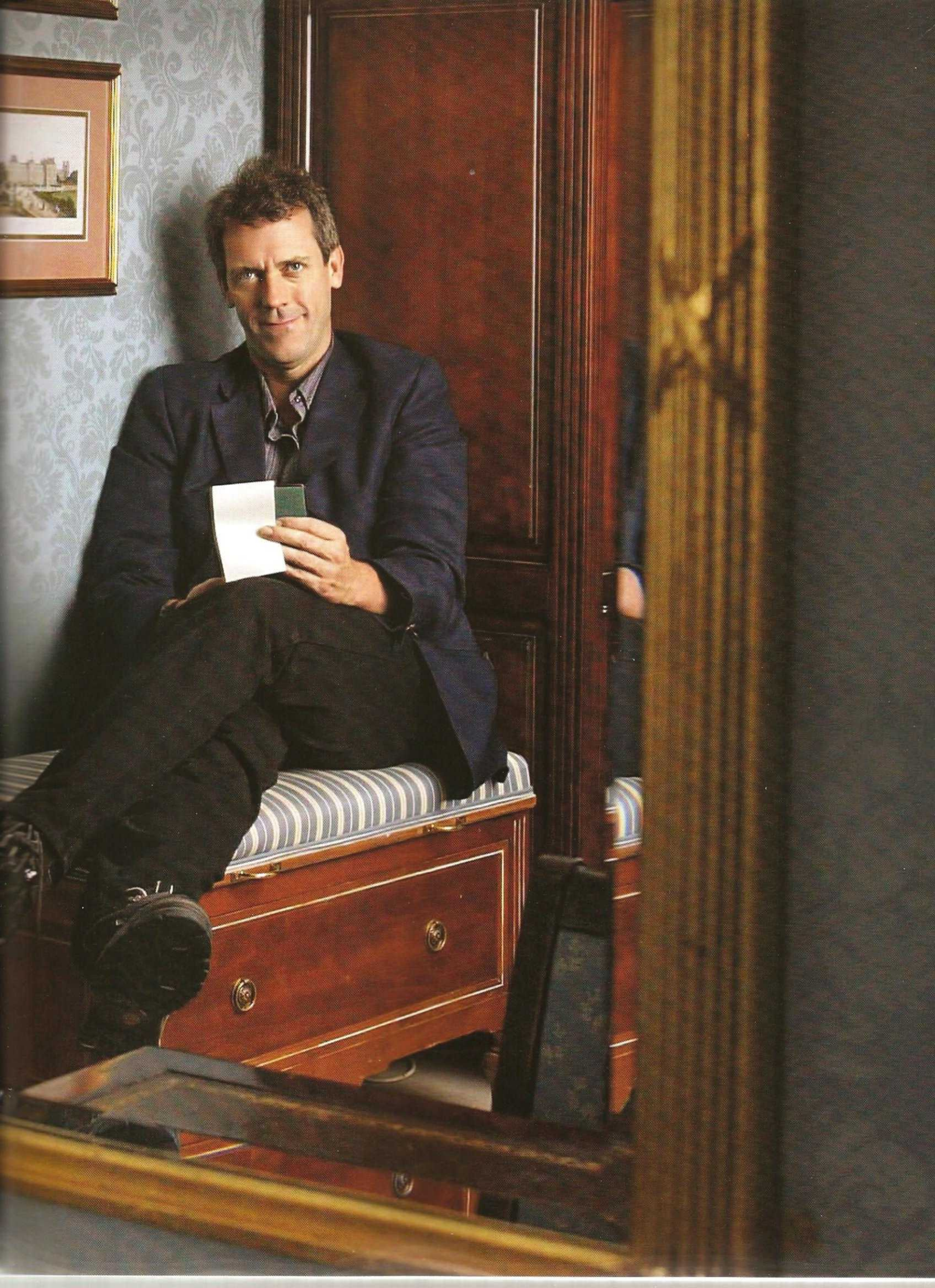
В Кембридже у Хью случилась еще одна важная встреча. Неутомимая Эмма познакомила его с начинающим писателем и актером Стивеном Фраем. Оба потом гово-

Джо Грин никогда не была красавицей: маленького роста, с большим ртом и, чего уж там скрывать, лошадиными зубами...

рили, что влюбились друг в друга с первого взгляда. Они в самом деле быстро сошлись — домашние, отчаянно не уверенные в себе мальчишки, наделенные живым умом и талантом к перевоплощению. Первые комедийные зарисовки этого специфического дуэта пользовались бешеным успехом не только у студентов, но и у преподавателей: никто не умел так пародировать тупых обывателей, как тощий вьюн Лори и толстый флегматик Фрай. Шутки пришлись по душе и влиятельным высокопоставленным боссам. В 1989 году канал BBC запустил в вечерний телеэфир «Шоу Фрая и Лори», которое продержалось целых четыре сезона. Друзья стали большими британскими звездами, что, впрочем, не мешало обоим по очереди впадать в тоску, хандру, а временами и в продолжительную депрессию. Но Лори повезло больше: рядом с ним уже была Джоанна Грин, Фрай же боролся с внутренними демонами в одиночку.

...О своей миссии стать вечной спасительницей Хью мисс Джо Грин догадалась не сразу. Хотя в общем-то с детских лет отличалась сообразительностью. Она никогда не была красавицей: маленького роста, с большим ртом и, чего уж там скрывать, лошадиными зубами. Джо также не могла похвастаться обеспеченными родителями, фамиль-

В своем доме на Голливудских холмах Хью коротал время один — жена отказалась переезжать в Лос-Анджелес

ной рентой и приличным образованием. Именно поэтому девушка не ждала милостей от судьбы, а служила администратором в небольшом заштатном театре и целыми днями воевала с труппой капризных, испорченных актеров. В офис актерского агентства она пришла по делу — требовалось срочно просмотреть новые анкеты...

В коридоре агентства на стуле сидел молодой человек в полосатом пиджаке, немного лохматый и неприлично худой. Его вытянутые тощие ноги перегораживали проход. Джо остановилась и выразительно на него посмотрела. Никакого результата. Она покашляла. Но человек не обращал на происходящее никакого внимания.

— Простите, сэр, — громко сказала Джо, — вы мне мешаете пройти.

— О да, конечно, — подскочил гигантский кузнечик, да так неудачно, что ударился головой о выступ стены.

Это было так смешно, что Джо расхохоталась. И ровно через минуту ее новый знакомый уже нес восхитительную чушь о том, как вчера покупал электрические лампочки для абажура и как сломал этот чудный абажур, когда пытался

Хью смотрел на белый лоб своей неласковой, ушедшей в мир иной мамы и силился понять: любила ли его когда-нибудь Патриша?

вкрутить в него лампочку. А потом Хью резко погрузился, потому что вспомнил о своей девушке Кейт: вот кто знает все про абажуры и лампочки. Но Кейт уехала в Кению на год с благотворительной миссией, и как он будет жить год без нее — это вопрос, на который у него нет готового ответа.

Во всем этом легком, безостановочном трепе было что-то идиотское и... очень трогательное. Кузнечик выглядел таким милым и беспомощным, что Джо инстинктивно

TONY HENSHAW/RETNA PICTURES/FOTO SA

Постепенно в сумрачном разуме Хью все же забрезжил рассвет, но до окончательного исцеления было еще далеко

Чудная, верная, преданная Джо! Благодаря мисс Грин его бессмысленная жизнь в самом деле обрела смысл и какую-то упорядоченную форму.

Когда спустя год на свет появился их первенец Чарльз, Хью сидел в приемном покое больницы и ревел белугой. Нянечка принесла ему стакан воды, а он лишь стучал зубами о край стакана. Они официально расписались с Джо только в июне 1989 года, когда малышу исполнилось шесть месяцев. Все это время Хью собирался с духом. Он, сколько себя помнил, всегда оттягивал принятие судьбоносных решений.

Но за все двадцать лет своего отцовства Хью так и не привык к тому факту, что у него есть дети. Родитель из него, прямо скажем, никакой. Удивительно, что его мальчики и дочка выросли такими милыми и воспитанными. Нет, они не похожи на этих слащавых детишек из «Звуков музыки», боже упаси! Они рассудительны и, конечно, в грош не ставят мнение Хью. Для старшего сына Чарли он стал героем только после того, как раздобыл автограф Кармен Электры. Красотка снималась в одной из серий «Доктора Хауса». Опять этот чертов Хаус!.. Его тут недавно назвали самым сексуальным доктором в истории телевидения (после Джорджа Клуни, разумеется). Эта новость вызвала у Хью паническую атаку. Зачем они это сделали? Кто их просил? Когда же его наконец оставят в покое?! Теперь за ним по пятам будут бегать силиконовые блондинки. Но он совершенно не знает, что с ними делать! Почитать Уильяма Блейка? Или отрывок из Мелвилла?

Хью казалось, что его голову жгут раскаленным железом. Он мучился, страдал, обожал Одри, но не представлял, как будет обходиться без Джо

захотелось защитить бедолагу и для начала помочь ему с абажуром.

Год пролетел незаметно. Одиночество Хью скрасила Джо.

В первый раз она помогла ему по-настоящему, когда пришло известие о том, что у Хью умерла мать. Они поехали вместе в его родной Оксфорд, и Джо стояла рядом с ним у гроба. Хью смотрел на белый лоб своей неласковой, ушедшей в мир иной мамы, на ее седые бровки, на кружева и цветы и все силился понять, любила ли его когда-нибудь Патриша Лори? В детстве он полагал, что четвертый ребенок в большой, не очень обеспеченной семье — тяжелая обуза. Да что там, он рос с полной уверенностью, что никому не нужен... Но постепенно та детская боль уходила, обиды растворялись где-то там, за спиной, и полутемный зал церкви наполнялся светом. Он перевел взгляд на Джо: маленькая, серьезная, она так крепко держала его руку!

Обнять за талию? Отвести в спальню? А вдруг что-то пойдет не так... Нет, риск — это не для него. Любить — это так страшно. Страшнее бокса. Только однажды Хью позволил себе потерять голову. И бог мой, что стало с его головой!..

Хью Лори всегда боялся красивых женщин. Всегда. Все его подружки, в том числе и героическая Эмма, были милы и обаятельны, но... не более того. Красавиц он избегал. Особенно умных. И особенно властных. Одри Кук сочетала в себе и первое, и второе, и третье. Когда она шла по коридорам студии ВВС, все перешептывались в надежде узнать имя этой красавицы актрисы. Но Одри не была актрисой: она работала режиссером на крупном телеканале и строила бородатых мужиков с камерами, словно детсадовцев. Судьба свела ее с мистером Лори на съемках детской сказки «Место львов». Команду актеров, занятых в фильме, вывезли в Марокко. Съёмочным процессом командовала

восхитительная амазонка Одри Кук в брюках-милитари и больших черных очках.

Возможно, Хью напекло голову это оранжевое солнце. Возможно, в его мозг немислимим образом попал раскаленный белый песок. Но в Марокко с Хью, осторожным невротиком, нытиком и ипохондрикком, что-то произошло.

Он вдруг почувствовал себя великолепным Питером О'Тулом. Или Майклом Кейном, не меньше. Хью ощутил всю мощь и силу своей поразительной мужской харизмы. Даже перестал думать о том, куда нормальные мужчины девают руки при поцелуе... А то, что он пригласил Одри выпить виски в конце рабочего дня, было для него настоящим подвигом! Да и распитием виски в баре отеля его инициатива вовсе не ограничилась...

Сладкая мука длилась три месяца. Она превратилась в ад, стоило только Хью ступить на землю лондонского аэропорта. Его встречали Джо и маленькая Ребекка. Одри, бледная, закусив губу, быстро пошла одна к стоянке такси...

Хью казалось, что его голову жгут раскаленным железом. Он мучился, страдал. Он обожал Одри, но не представлял, как будет обходиться без Джо. Одри требовала решительных действий, но сама мысль о возможности этих действий приводила Хью в оцепенение. Наконец он не выдержал и рассказал обо всем жене.

Джо Грин спокойно выслушала сбивчивый, а временами и просто безумный рассказ мужа об африканском романе, налила ему чаю и отправила спать. В ту ночь она написала письмо мисс Одри Кук, в котором просила оставить ее мужа в покое. «Я полна решимости бороться за свою семью, — писала простая администраторша Джо, — и эту решимость мне придают мои дети, которым нужен отец...» Здесь Джо, конечно, немного слукавила. Раньше, до измены, она иногда укоряла Хью, что такой отец, как он, не нужен ее детям и даром, но угроза потери даже такого отца заставила ее пересмотреть взгляды на многие вещи. Хью прилично зарабатывал и был, как ни крути, большой британской знаменитостью. Сама Джо давно ушла из театра и плохо представляла, как снова выйдет на работу. Но, самое главное, она точно знала, что такая женщина, как Одри Кук, обязательно бросит ее Хью.

Он кажется ей нежным? Остроумным? Она обожает его яркий комедийный талант? А что она будет делать с его многодневными приступами тоски? А с апатией или хандрой? Знает ли она, каким он бывает угрюмым, когда не идет роль, когда не складывается номер со Стивеном Фраем? А когда он ждет звонка от агента, а тот не звонит, потому что Хью опять не утвердили в новое шоу... В такие моменты его не заставишь выбросить мусор, да и на просьбу почитать книжку детям он посмотрит так, словно ты подсовываешь ему на завтрак сырую лягушку... Да, кстати, о его завтраках. Он обожает поесть, и не надо думать, что Хью — неприхотливый, равнодушный к комфорту гений.

Конечно, Одри Кук очень быстро разлюбит такого Хью Лори и выставит за дверь. И спасать его снова придется Джо Грин. Так лучше это сделать сейчас, а не потом, когда сердце бедняги будет окончательно разбито.

Что чувствовал Хью, оказавшись в роли каната, который перетягивали две прекрасные во всех отношениях дамы? Досаду? Стыд? Страх? Нет, облегчение. В глубине души он был счастлив сложить с себя груз принятия решения... И он, честное слово, обрадовался, когда узнал, что в этом непросто спортивном состязании победила его верная маленькая, но такая хваткая Джо. Воинственная амазонка Одри отступила.

Естественно, избавившись от муки неожиданной страсти, Хью Лори тут же провалился в пучину глубочайшей депрессии.

...В тот славный солнечный день он сидел в лодке на водном канале. Это были очередные соревнования по гребле, которые Хью раньше так обожал. На берегу стояли жена, дети и их чудачковатый крестный Стивен Фрай с пакетиком леденцов. Зрители кричали, размахивали руками. По команде все лодки сорвались с места, и только лодка Хью даже не кольхнула. Он забыл о том, что надо грести. Лори ушел внутрь себя и... не вернулся. Он вдруг увидел внутри пустоту и всю тщетность своих усилий. Что ни делай, как сильно ни греби, все равно не станешь олимпийским чемпионом Раналдом Лори. Так и останешься ошибкой, досадной оплошностью маминой и папиной судьбы...

Джо и Стивен привели его домой. По дороге Стивен купил еще две пачки леденцов и все норовил предложить их Лори.

Одри Кук была режиссером и строила бородатых мужиков с камерами, словно детсадовцев. Судьба свела их с Хью в Марокко

За все двадцать лет Хью так и не привык к тому факту, что у него есть дети. Родитель из него, прямо скажем, никакой. Удивительно, что сыновья и дочка выросли такими милыми и воспитанными

— Брось, старина, — утешал он друга, — у меня так было уже раз сто. Есть отличный врач. Он даст тебе прозак. Или что-нибудь еще... В депрессии есть стимул, ты понимаешь, о чем я?

Но Хью не понимал. Он хотел только одного: чтобы его оставили в покое. Он будет просто сидеть и рассматривать свой пупок. Но вместо этого Хью пришлось ходить на консультации к разным специалистам. Они задавали вопросы и выслушивали его бессвязные ответы. Больше всего Хью почему-то волновала тема счастья. Он пытался выяснить у медицинских светил в области душевных расстройств: а почему к нему, счастью, надо всем стремиться? Светила не знали ответа и выписывали дотошному пациенту все новые и новые антидепрессанты. Хью глотал таблетки и часами обсуждал со Стивеном подробности своих внутренних ощущений. Стивен, кстати, тоже не мог взять в толк,

Обнявшись, они с Джо шли домой, и сердце Хью переполняла благодарность: его жена ничего не боится, ее надо слушать всегда!

зачем людям это тупое, сытое и абсолютно неконструктивное счастье...

Постепенно в сумрачном разуме Хью все же забрезжил рассвет, он даже пару раз сходил в парк со своими словно

вновь обретенными детьми, но до окончательного исцеления было еще далеко. И тогда в процесс лечения душевного расстройства своего непутевого мужа вмешалась Джо. Она дала окончательный бой его зеленой подружке-тоске. Жена здраво рассудила, что раз ее мужа накрыло на гребном канале, то там же его должно и отпустить. И в один совсем не солнечный, а хмурый и пасмурный день она потащила его на то самое место. Предварительно, конечно, заставив надеть теплые носки и вязаную шапочку.

Хью мрачно пинал ногами желтые листья. Он не верил, что вновь обретет хоть какой-нибудь вкус к этой серой жизни. Но Джо водила его по берегу пустынного канала, как маленького заблудшего ребенка, и говорила, не умолкая ни на минуту. Она вдруг вспомнила, как была беременна во второй раз и у нее начались схватки, когда по телевизору показывали «Дживса и Вустера». Та самая серия, когда тетушка Далия посылает его героя Берти Вустера к своему дядюшке Тому, чтобы тот стащил его хваленый антикварный молочник. А племянник по своей вечной оплошности разбивает дорогую вещь.

— Да? — оживился Хью. — А я забыл об этом...

В его памяти вдруг открылся какой-то потайной шлюз, и воспоминания полились свободной, широкой волной. Он вспомнил, что они со Стивеном как раз репетировали финал «Дживса и Вустера», когда его пригласили к телефону. Незнакомый женский голос сказал, что у него родился мальчик. Хью настолько оторопел, что как был в старомодных подштанниках и жилетке, так и выбежал на улицу из съемочного павильона и... заплакал. Его второй сын Билли пришел в этот мир, когда папаша ломал комедию под светом софитов и прожекторов. Папа только и делает, что ломает комедии... Его папа — свинья. Он доставляет так много горя близким! И это горячее чувство вины победило холодную тоску Хью Лори...

Потом они с Джо, обнявшись, шли домой, и сердце Хью переполняла благодарность. Его жена ничего не боялась: ни перебоев электричества, ни писем в официальных конвертах, ни внеурочных телефонных звонков. Пустой холодильник не наполнял ее желудок беспокойством, и неизвестные рестораны почему-то тоже не внушали опасения. Ему надо слушать ее всегда, всегда... Ведь она, мудрейшая из мудрых, говорила, что не надо мужу соглашаться на роль Хауса. Но Хью, одержимый упрямством, сам подписал свой приговор.

Первые три года в Америке он держался. Сорвался всего лишь раз, тогда, в бухте Марина-дель-Рей. Еще он подметил, что тоска прорывается наружу, именно когда он остается в лодке один, а надо грести... Черт его знает почему... В Штатах он жил в гостиничном номере, даже не распаковывая чемоданы. Все его коллеги по сериалу пытались обустроиться надолго, подписывали договоры с риелторами, а Хью боялся, что как только заплатит первый взнос за собственный дом, «Доктор Хаус» сразу накроется медным тазом... Ведь у него всегда так. Стоило ему написать превосходный сценарий по своему роману «Торговец оружием» и продать его студии «United Artists», как студия обанкротилась. Он пристроил сценарий в «MGM» — и у той сразу начались проблемы с финансированием проектов. Сейчас у «Sony» есть планы взяться за фильм и даже пригласить его в качестве актера или режиссера, но Хью боится даже думать об этом... Когда все идет слишком хорошо, он начинает нервничать. И ждет неминуемого провала. А еще это чувство вины. Ему

стыдно, что он так богат. У него море, нет, океан денег. Но он боится их тратить. А то мало ли что... И Патриша, она ведь смотрит на него с того света, и он чувствует, что мама им очень недовольна. Он живет так нескромно...

...А еще Стивен. Бог мой, как же друг его расстроил! Мало того, что он потерял свой мозг, так еще и наступил на большую мозоль Хью Лори.

— Не понимаю, как ты согласился играть американца? — недоумевал, допивая кофе, Стивен. — Копировать этот отвратительный акцент, словно постоянно жуешь кашу... Ужас. Я бы не рискнул.

Вобщем, Хью вернулся на съемочную площадку «Доктора Хауса» в самом скверном расположении духа. Помощник режиссера кричал на статистов, и Хью — святые угодники, что на него нашло? — накричал на помощника:

— Как вы смеете так разговаривать с людьми?! Это люди, а не бараны! Сейчас же извинитесь, иначе я выпшвырну вас отсюда к такой-то матери!

В павильоне воцарилась тишина. Лиза Эдельстин подавила своей насыщенной кальцием водичкой, а красотка Оливия Уальд уронила зеркало.

Встретившись взглядом с перепуганной Лизой, Хью вдруг отчетливо ощутил невыносимую, разрывающую его изнутри потребность позвонить Джо. Но не стал...

Он все еще уповал на самовнушение. Все еще думал, что

Что чувствовал Хью, оказавшись в роли каната, который перетягивали две прекрасные дамы? Досаду? А может, стыд?

сможет примириться с ситуацией. Взять хоть его героя, доктора Хауса. Он вовсе не так уж и плох. Хью ведь всегда мечтал быть похожим на отца, прекрасного, любимого больными доктора. И он им стал, пусть фальшивым, но зато высокооплачиваемым. Его раздражают многостраничные диалоги? Так надо попросить печатать их на голубой бумаге. Или розовой. Будет веселее заучивать. Что там еще? Опять подступает ужас перед завтрашним днем, опять его душит противная, липкая тоска? Так надо что-нибудь выпилить из дерева. Или перевесить в гостиной картины. А еще есть зубная щетка, которой можно чистить спицы на колесе у своего мотоцикла... Да, сейчас он приедет домой и отдраит щеткой спицы. Все что угодно, но только не звонить Джо! Ведь он зрелый, ответственный. Он мужчина, черт его подери!

...Телефонный звонок раздался в пять утра. Это был Хью. Он извинился, что так поздно... в смысле, так рано. Спросил, как дети. И пулеметной очередью выложил все: плохо, тошно, он умирает. Хаус достал. Лос-Анджелес его пожирает. Нет, он ничего не требует, просто так ей позвонил...

Джо опустила трубку и протерла глаза. Кажется, из Хитроу есть рейс на 10.40. Надо собираться. Пора снова спасать Хью...

Наталья Рыбинская

Хью Лори все еще думал, что сможет примириться с ситуацией. Взять хотя его героя, доктора Хауса. Он вовсе не так уж плох. Хью всегда мечтал быть похожим на отца, прекрасного, любимого больными доктора

PHOTOGRAPH BY ANDREW HARRIS FOR EW.COM